

Случай на болоте

Сначала Максим даже не испугался, страх пришёл после. А сразу, прыгнув с кочки на кочку и провалившись вдруг почти по колено в вязкую болотную жижу, он ощутил одно лишь раздражение на собственную свою неуклюжесть. Да ещё досаду, что всё так нескладно получилось. Холодная грязная вода сразу же протекла в сапоги... и теперь придётся целых пять километров тащиться до посёлка с мокрыми ногами. А с утра вновь заложит горло, это уж как пить дать!

Но когда он, дёрнувшись, так и не смог высвободить ног из болотного плена, когда он почувствовал вдруг, как непросто будет это сделать, — пришло первое беспокойство. Не страх ещё... но нечто весьма с ним схожее. Тем более что от отчаянного этого рывка ноги завязли так глубоко, что даже колени очутились в холодной воде.

«Ничего себе приключеньице! — невольно подумалось Максиму. — И это на нашем маленьком болотце, исхоженным мною, как говорится, вдоль и поперёк!»

Он взглянул на ведёрко с клюквой, которое держал в левой руке. Ведёрко мешало, но куда ж его в таком случае девать? Бросить вперёд, на пригорок? Рискованно, ягоды могут рассыпаться...

И вдруг Максим понял, что болото продолжает засасывать его! Вот уже и низ штормовки коснулся воды...

Вот тут-то и охватил его первый страх. Не забоясь больше о ягодах — пропади они пропадом! — он швырнул ведёрко по направлению пригорка, и оно, конечно же, завалилось набок. Но Максиму было уже не до клюквы: напрягая все силы, он рванулся было из холодной ловушки... но болото и не подумало отпускать...

— Вот чёрт! — пробормотал Максим сквозь крепко сжатые зубы и, наклонившись вперёд, попробовал дотянуться руками до невысоких зарослей ивняка, росшего неподалёку.

Не дотянулся, лишь загряз в трясине почти по пояс.

В полном отчаянье Максим взглянул сначала в одну сторону, потом в противоположную. Обычно на болотце в это время были ягодники, хоть пару человек да присутствовало, и Максима это всегда здорово раздражало: конкуренты, что ни говори!

А вот сейчас, когда нужно, никого вокруг не было ни видно, ни слышно...

Или всё же попробовать позвать? — Эй! — как можно громче крикнул Максим. — Кто-нибудь! Помогите!

Он замолчал, прислушиваясь, но вокруг по-прежнему было тихо.

Меж тем туманное утро постепенно уступало место новому сентябрьскому дню. Солнце уже почти показалось над лесом, и Максим вспомнил вдруг, что сегодня после обеда они с женой собирались в райцентр. Вернее, в райцентр нужно было жене, а Максим обещал отвезти её туда на мотоцикле...

И вот такая неудача! — Эй! — повторно закричал Максим. — Люди! Сюда!

Он уже загряз считай что по самую грудь и всё продолжал и продолжал медленно опускаться вниз.

Поднимавшееся солнце довольно быстро рассеяло по кустам остатки ночного тумана, и воздух над болотцем теплел с каждым новым мгновением. Но болотная топь снизу оставалась холодной, как лёд, и у Максима сильно замёрзли ноги. Он попытался пошевелить ими хоть чуточку, но так и не смог этого сделать.

«Вот и смерть пришла! — мелькнула в голове Максима паническая мысль. — И так нелепо!»

— Ты считаешь, что нелепо?

— Что? — мгновенно вскинув голову, Максим вдруг увидел прямо перед собой какого-то мужчину в чёрной одежде.

Сердце радостно застучало в груди; всхлипнув, он протянул в сторону незнакомца руку, всю перемазанную бурой болотной жижей:

— Спасибо тебе, браток! А я уж думал: кранты мне!

Но незнакомец почему-то с помощью не торопился. Вместо этого он лишь зевнул равнодушно, так же равнодушно осмотрелся по сторонам и, вновь повернув голову в сторону Максима, проговорил неприятным, скрипучим каким-то голосом: — Ты так и не ответил на мой вопрос!

— Какой вопрос? — не понял Максим, продолжая ощущать, как болотная топь утягивает его вниз. — Я помощи прошу, а ты...

— А я спросил: ты что, и в самом деле считаешь свою смерть такой уж нелепой?

— Смерть?! — Максима вдруг охватила злость, да такая, что мгновенно вытеснила из его души самые последние остатки страха. — Я пока ещё жив! Жив, слышишь ты, шутник хренов?! Жив пока ещё... — Пока ещё... — задумчиво повторил незнакомец, и Максим умолк, невольно ощущая, как на него с новой силой наваливается страх. Даже не страх — слепой панический ужас!

Только теперь он смог более внимательно рассмотреть незнакомца... странного какого-то незнакомца.

Во-первых, его одежда, весьма неподходящая для хождения по болоту. Безукоризненно скроенный чёрный фрак с узкими брюками такого же угольно-чёрного цвета, коричневые блестящие ботинки без единой даже капельки болотной грязи. Ослепительно-белые перчатки на руках и ослепительно-чёрный цилиндр на голове...

Во-вторых, глаза. Они были огромными, пунцово-красными, с узкими поперечными щелями вместо зрачков...

А ещё в том месте, где неподвижно стоял незнакомец, прямо из-под ног его вырывались вверх тонкие струйки пара...

«Это не человек! — лихорадочно подумалось Максиму. — Люди не бывают такими... Кто же это тогда?»

Впрочем, в данный конкретный момент Максиму было глубоко наплевать, кто сейчас перед ним. Он просто не хотел умирать.

— Помоги! — еле слышно прохрипел Максим, вторично протягивая в сторону незнакомца перемазанную грязью руку. — Вытащи!

Присев на корточки, незнакомец внимательно посмотрел на Максима жуткими своими глазами. — И всё же я жду ответа на свой вопрос, — медленно проговорил он... и в скрипучем голосе незнакомца Максим почувствовал вдруг какую-то скрытую для себя угрозу. — Ты по-прежнему продолжаешь считать свою смерть нелепой?

— Да! Да! Да! — прохрипел Максим, ощущая, как ледяная вода начинает обжигать шею. — Я так считаю!

— А смерть мальчика, сбитого твоим грузовиком три года назад, — она тоже относится к разряду нелепых?

— Какого мальчика? — Максим попробовал шевельнуться, но болото держало крепко. — Я никого не сбивал!

Незнакомец вдруг скорчил некую то ли усмешку, то ли гримасу, а Максима даже передёрнуло от одного лишь вида его мелких и на удивление острых зубов.

— Он остался жив, тот мальчик! — закричал Максим, крепко зажмуриваясь... только бы не видеть этой жуткой пасти возле своего лица, не ощущать того нестерпимого жара и смрада, что от неё исходило! — Я видел в зеркальце, как он вскочил

на ноги и даже поднял свой велосипед! Я сам это наблюдал!

— Он умер через несколько минут после того, как поднял велосипед, — услышал Максим у самого своего уха скрипучий голос незнакомца. — Если бы ты остановился тогда, ты бы и это увидел. Но ты не остановился!

Вода дошла Максиму почти до самого рта. Чтобы не захлебнуться, пришлось как можно выше задрать голову.

— И ты обвиняешь меня за то, что я не остановился тогда?! — прохрипел он, отплёвывая болотную грязь и тину. — Ведь это единственное, в чём я виноват, во всём остальном мальчик виноват сам! Если ты знаешь всё — ты должен знать и это!

Правую его руку сжали, словно раскалёнными клещами, и Максим, вскрикнув от боли, понял вдруг, что незнакомец его держит. Не вытаскивает, а именно держит...

— Я ни в чём тебя не обвиняю! — лениво и как-то на удивление безразлично прохрипел незнакомец. — Я вообще никого и никогда ни в чём не обвиняю! Вот и сейчас я лишь пытаюсь выяснить, чья же смерть была более нелепой: твоя или этого мальчика?

«Была! — лихорадочно подумалось Максиму. — Он сказал: „была“! Он и не думает вытаскивать меня из трясины!»

— Кто ты такой, и что тебе от меня нужно?! — что есть силы закричал Максим, по-прежнему не открывая глаз... правая рука его горела так, словно её жгли открытым пламенем. — Тебе ведь от меня что-то нужно, так? Что?! Мою душу?!

Незнакомец тихо и тоже как-то скрипуче рассмеялся.

— Я возьму у тебя то, о чём ты и сам ещё не догадываешься!

Звонкий собачий лай послышался где-то неподалёку. И женские голоса. А потом Максим вдруг ощутил, как незнакомец рванул его за руку, одним мощным рывком вырывая из трясины... в следующее мгновение он потерял сознание...

Очнувшись через какое-то время и открыв глаза, Максим был почти уверен, что лежит он теперь возле ивняка, весь с головы до ног перемазанный болотной грязью. Но вдруг оказалось, что он не лежит, а стоит с полным ведёрком ягод возле этого самого ивняка, и одежда его сухая и совершенно чистая, как и сапоги. А неподалёку собирают клюкву какие-то незнакомые женщины, не обращая при этом на конкурента ни малейшего внимания. Лишь чёрный лохматый пёсик, вертевшийся подле них, немного заинтересовался Максимом и даже лениво на него тявкнул несколько раз.

И никакого болотного «окна», никаких даже признаков того, что совсем недавно тут, завязнув в трясине, хрипел и захлёбывался человек. Земля вокруг Максима хоть и была вязкой, но всё же

довольно надёжной, как и везде на небольшом этом болотце...

«Что же это было тогда? — растерянно подумалось Максиму. — Или всё это мне только почудилось?»

Вскинув голову, он взглянул на солнце. Если судить по его расположению, было уже часов одиннадцать, никак не меньше. И до посёлка около часа ходу... а он же обещал жене отвезти её после обеда в больницу, в женскую консультацию...

Стоп! А зачем ей понадобилась в эту самую консультацию?! Вчера он не стал спрашивать, и сама она тоже ничего такого не сказала. Неужели она...

Неужели она, наконец, забеременела?! После десяти лет совместной жизни... десяти лет, полных надежд и самых горьких разочарований... неужели, наконец, это случилось?!

Он станет отцом!

И вдруг Максиму вспомнились последние слова незнакомца в чёрном. Как он там сказал? Возьму то, о чём ты и сам ещё не догадываешься...

Но ведь его не было, этого незнакомца! И не было ледяной болотной топи, её просто не могло быть на маленьком этом болотце! Всё это лишь почудилось Максиму... такое вполне возможно...

Или нет, невозможно? Ибо слишком реально, до боли, до ужаса реально всё это происходило! И трясинная топь, зимним холодом обжигавшая тело, и сам незнакомец в чёрном, с такими жуткими глазами и руками, обжигающими уже по-настоящему...

И эти самые последние его слова: «...возьму то, о чём ты и сам ещё не догадываешься!»

И тот мальчик на шоссе... он что, и в самом деле умер тогда?

Глупости! Глупости! Глупости!

Опустив ведёрко с ягодами на мох, Максим прижал ладони к вискам, сильно, как мог. Не надо об этом думать... три года он не думал об этом, просто заставлял себя не думать! Он утешал себя надеждой, что всё тогда обошлось, ведь его не объявили в розыск, не нашли, не арестовали, в конце концов, а значит...

Значит, что? Что у нас стопроцентная раскрываемость преступлений? Но ведь это не так, ни в одной стране мира не достигли ещё такого уровня!

Мальчик на шоссе выглядел лет на десять-двенадцать, не больше. Сейчас ему было бы... сколько же ему было бы сейчас? Тринадцать? Четырнадцать?

А может, его жена и не беременная вовсе? Может, в консультацию ей нужно... да мало ли по какому делу ей туда нужно? Существует столько женских болезней, самых разных...

А тот пацан, он сам во всём виноват! Зачем было лезть под колёса? Нельзя вообще таким малюкам ездить по шоссе... Куда только родители смотрят?!

И он просто не мог погибнуть, тот мальчик! Самое страшное, что могло случиться с ним, — два-три синяка. Ну, в крайнем случае, вывих или перелом. И это было так давно...

Тут блуждающий взгляд Максима остановился на ярко-зелёной кочке неподалёку. Эта была та самая кочка, что так подвела его... сорвавшись именно оттуда, он и погряз то ли наяву, то ли в болезненных своих грёзах...

Сейчас же она выглядела вполне безобидно, эта кочка...

И Максим прыгнул прямо на неё. И упал, потеряв равновесие, и рассыпал при этом добрую половину ягод...

Странно, но его почему-то это совсем не расстроило. Наоборот, вскочив на ноги и пригоршнями подбирая с травы рассыпанные ягоды, Максим ощутил вдруг какой-то небывалый прилив сил. Кочка оказалась самой обычной кочкой и ничем больше, а значит...

И тут Максим неожиданно заметил следы возле ивняка. Странные следы, будто выжженные чем-то раскалённым, ибо трава в том месте пожухла, пожелтела и даже немного обуглилась по краям.

И они быстро исчезали, эти следы! Жёлтая жухлая трава на глазах у Максима распрямлялась, вновь обретая сочный ярко-зелёный цвет... и вот она уже ничем не отличается от соседней травы, совершенно ничем не отличается...

Что это, новый глюк? А рука, правая его рука, что с ней?

Максим быстренько закатал рукав и долго смотрел на своё запястье, смотрел, но ничего особенного там так и не увидел. Рука как рука, немножко саднит, правда...

Как после ожога...

Переведя взгляд на кочку, Максим медленно к ней приблизился.

— Возьми меня! — еле слышно прошептал он, обращаясь неизвестно к кому. — Не сына, меня! Ведь это я во всём виноват — за что же ему отвечать?!

Потом он замолчал, тревожно ожидая чего-то, но ничего ровным счётом не произошло.

— Возьми! — почти умоляюще повторил Максим. — Я больше не буду просить о помощи... правда, не буду!

И снова ничего не произошло. — Ну и чёрт с тобой!

Не думая больше ни о чём, страхась хоть о чём-то думать, Максим подхватил ведёрко и быстро зашагал по направлению к дому. Он шёл напрямик через болото, шёл, словно нарочно выбирая на своём пути самые вязкие и самые подозрительные места. Он ступал по ним изо всей силы, так, словно желая вновь провалиться куда-то вниз, провалиться, загрязннуть, ощутить, как ледяная вода крутым кипятком станет обжигать тело...

Но всё было напрасно. Не было таких мест на маленьком их болотце, тут их просто не могло быть.

И кому, как не Максиму, было знать об этом?..

Бобби

Он вошёл в прихожую и сразу же услышал знакомый запах тушёной капусты с грудинкой. Когда-то он любил это блюдо, но за последнее время почти возненавидел его. Правда, сказать об этом жене у него не хватало духа.

— Это ты? — донёсся со стороны кухни знакомый высокий голос. — Ты уже пришёл?

Раньше несуразный этот вопрос вызывал у него неизменную улыбку, но это было раньше. В те времена, когда он ещё умел улыбаться...

— Здравствуй, дорогая! — произнёс он, заходя на кухню и целуя жену в рано поседевший висок. Потом он бросил взгляд на другую сторону стола и добавил: — Привет, Бобби!

Бобби никак на это не отреагировал. Взлохмаченная голова его едва выглядывала из-за края стола, прямо перед ним на тарелке медленно остывала целая гора манной каши.

— Бобби — молодец! — перехватив взгляд мужа, поспешно проговорила жена. — Он почти не баловался, когда мы гуляли по улице, а потом я читала ему сказки. И знаешь, он уже почти всё понимает!

Женщина смотрела на мужа, в её глазах таилась надежда, тревога и ещё что-то не совсем понятное. Она словно ждала чего-то от мужа, каждый вечер ждала... и каждый вечер напрасно...

— Я переоденусь, — пробормотал он, торопливо покидая кухню. — И знаешь, не клади мне слишком много капусты, что-то не хочется. Лучше завари кофе.

Когда он вернулся, Бобби за столом уже не было, тарелка из-под манной каши стояла пустой, а другая тарелка, до краёв наполненная капустой с грудинкой, уже ждала его. Так было всегда, но он никогда не задавался вопросом, куда девается каша. Ещё он никогда не переспрашивал насчёт кофе.

Вздыхнув, он просто сел за стол и взял вилку. Женщина села напротив, тревожный взгляд её странных глаз буквально застыл на лице мужа. Это было не очень приятно, но он уже успел привыкнуть и к этому.

Он ко многому успел привыкнуть за последнее время...

— Я уложила Бобби спать, — проговорила женщина тихим усталым голосом. — Он, правда, хотел ещё погулять, но я не позволила. В его возрасте главное — сон!

Надо было хоть как-то отреагировать на эти слова жены, и он молча кивнул головой, соглашаясь с тем, что, и в самом деле главное — это сон. — Ты неважно выглядишь, — сменив тему, проговорила женщина, и глаза её вновь тревожно

заблестели. — Плохо спишь, кричишь по ночам. У тебя что, неприятности на работе?

Единственным положительным моментом во всех этих разговорах являлось то, что на вопросы жены можно было и не отвечать. Вот и сейчас он лишь неопределённо пожал плечами, и этого оказалось вполне достаточно, чтобы жена посчитала данную тему полностью исчерпанной.

На сегодняшний вечер, разумеется...

К тому же он знал, какова будет следующая тема. Они словно каждый вечер играли одни и те же роли в какой-то странной, абсурдной и неизвестно кем написанной пьесе, и он успел хорошо выучить свою роль.

— Дорогой! — голос жены был тревожный и умоляющий одновременно. — Бобби уснул, но не мог бы ты всё же подняться, посмотреть, как он там? Я знаю, ты устал, но всё же...

— Разумеется, дорогая! Я сейчас к нему загляну. Что ж, они и в самом деле хорошо знали свои роли...

Поднимаясь по скрипучим ступенькам на второй этаж, он вдруг поймал себя на мысли, что вновь, как и вчера, как и позавчера, как и каждый вечер, поднимаясь сюда, он надеется на чудо. Вдруг, отворив дверь детской, он увидит в кровати... Бобби? Настоящего Бобби!

Но чуда не произошло. И, поняв это, он молча подошёл к детской кровати и, остановившись неподалёку, принял всё так же молча смотреть на куклу, лежащую в ней. Большая потрепанная кукла из целлулоида — таких, кажется, теперь уже и не производят — лежала с закрытыми глазами, и издали её и в самом деле можно было принять за спящего ребёнка.

Но это лишь издали...

Ему вдруг припомнился тот кошмарный вечер двухлетней давности, когда, услышав отчаянный крик жены, он вбежал сюда и впервые увидел эту куклу. Она лежала в кровати их сына, сам же мальчик исчез, причём обстоятельства его исчезновения были самыми загадочными, ибо окно осталось закрытым и даже заклеенным, а через форточку смог бы пролезть разве что сам Бобби, если бы годовалое дитя умело это делать...

А потом тревожное ожидание у телефона... напрасное ожидание... никто так не позвонил им. И правоохранительные органы тоже ничем не смогли помочь... до сегодняшнего дня судьба их маленького сына осталась неизвестной.

Неизвестной для него. А вот жена от горя и безысходности вдруг поверила, что эта старая целлулоидная кукла, которую похититель (или похитители) оставили почему-то на месте преступления, и есть их Бобби, их маленький мальчик, которого просто кто-то заколдовал, превратив в куклу. Это было единственным проявлением её

помешательства, во всём же остальном женщина оставалась прежней, вернее, почти прежней...

Правда, это «почти» дорого ему стоило...

Оторвавшись, наконец, от невесёлых своих мыслей, он вдруг вздрогнул и даже сделал шаг назад. Неожиданно ему показалось, что кукла исподтишка наблюдает за ним сквозь полузакрытые веки.

Разумеется, это была иллюзия, оптический обман... хватало и одного сумасшедшего в этом доме, хватало и тех кошмарных снов, которые он видел считай что каждую ночь...

И всё же...

Минуту назад он готов был поклясться, что кукла исподтишка наблюдала за ним.

— Кто ты?! — спросил он тоскливо и безнадежно. — Откуда ты взялась тут, и где сейчас мой

маленький Бобби? А может... может, моя жена права, и ты — это он? Если ты и в самом деле — Бобби, знай, что я люблю тебя! И никогда не переставал любить! И никогда не переставал... надеяться...

Не договорив, он повернулся и пошёл прочь. Притом всё то время, пока шёл к двери, его не оставляло ощущение, что кукла, слегка повернув голову, смотрит ему вслед. С сочувствием, с сожалением, а может, и с угрозой.

Это было весьма неприятное ощущение, но он так и не осмелился обернуться, чтобы убедиться в обратном. Вместо этого, сторбившись и втянув голову в плечи, он невольно ускорил шаг и, лишь оказавшись в коридоре и плотно затворив за собой дверь, вздохнул, наконец, с облегчением.